

ДВОЙНОЙ
АВАНТЮРНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

✧ *Отпетые*
ПЛУТОВКИ

✧ *Жестокий*
МИР МУЖЧИН

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *А. Саукова*
Оформление обложки *Н. Никоновой*
Под редакцией *О. Рубис*

Полякова, Татьяна Викторовна.

П54 Отпетые плутовки ; Жестокий мир мужчин : романы / Татьяна Полякова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 512 с. — (Двойной авантюрный детектив Т. Поляковой).

ISBN 978-5-699-90061-9

«Отпетые плутовки»

Обидно стать соучастницей собственного похищения, не догадываясь об этом. Но вдвойне обидней узнать, что человек, которого ты полюбила, просто талантливый мошенник, обобравший твоего отца. Но Маша не была бы сама собой, если бы не сумела полной мерой отплатить коварному обманщику и, в свою очередь, с помощью закадычной подруги похитить у него не только деньги, но и нечто большее...

«Жестокий мир мужчин»

Красавица Анастасия не может поверить в то, что ее муж — убийца. Сердце любящей женщины подсказывает ей, что кто-то другой совершил жестокое преступление, искусно подставив Илью. На свой страх и риск Анастасия пытается восстановить события той роковой ночи. К ее ужасу, все, с кем она встречается, трагически погибают при весьма странных обстоятельствах. Но ничто не в силах заставить ее прекратить поиски правды. Она даже не подозревает, сколь жестокой и мучительной окажется истина...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полякова Т.В., 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90061-9

Отпетые плутовки

Конечно, глупо было тащиться на дачу в такое время. Я поняла это, когда начался дождь. Накрапывать стало, как только я выехала из города. Небо серое, мутное, я в машине поежилась и включила печку, тогда и подумала: «Кой черт я туда еду?» Можно было вернуться. Честно говоря, вернуться очень хотелось. Выпить чаю и лечь в теплую постель. И наплевать на Димку, пусть говорит что угодно. Если бы у меня ума было побольше, так бы и сделала, но, видно, Бог обидел меня разумом, зато упрямством наградил ослиным, и я продолжала ехать вперед, глядя в темноту за лобовым стеклом. А дождь потихоньку разошелся и где-то на полдороге перешел в тропический ливень. Теперь моя затея выглядела просто дурацкой.

Дача находилась в глухой дерегушке, в сорока пяти километрах от города, причем из этих сорока пяти километра три надо было пилить по проселочной дороге. Я представила, что там сейчас творится, и всерьез засомневалась: удастся ли мне сегодня заночевать под крышей. Да если и доберусь, радость небольшая: в доме холодно, сыро. Можно, конечно, податься к соседке, тете Кате, она будет рада. Выпить чаю из самовара, потом забраться на печку и слушать дождь за окном. Я взглянула на часы: де-

8   вять. Если дорогу не размыло, через полчаса буду в деревне, тетя Катя смотрит телевизор до десяти.

Тут с «дворниками» что-то случилось, я чертыхнулась, пощелкала включателем, «дворники» заработали, но как-то подозрительно неритмично. Мне опять захотелось вернуться. Необязательно домой, можно к папе. Я вздохнула. Конечно, придется объяснять, почему явилась на ночь глядя. Папа расстроится. Димку он терпеть не мог, хотя от меня это скрывал. Однако на прошлой неделе папа не выдержал и после очередной нашей с Димкой ссоры сердито заявил: «Я твоему мужу морду набью», — что было на моего отца совершенно не похоже.

Надо признать: с Димкой мы жили плохо. Выходить за него замуж мне не следовало, хотя, если разобраться, не последнюю роль в этом браке сыграл отец.

Отца я всегда очень любила. Мама вечно была занята в школе: сначала учительницей, потом завучем, а затем и директором. Может, она и в самом деле была замечательным педагогом, но на меня у нее времени не хватало. Сколько помню себя, мама приходила домой усталой, падала на диван и говорила: «У меня сил осталось — еле-еле телевизор посмотреть». Зато у отца для меня всегда было время: и на рыбалку с собой возьмет, и на лыжную прогулку, а на концерте в музыкальной школе он всегда сидел в первом ряду: огромный, веселый, добрый.

Вообще, детство у меня было счастливым. До восьмого класса. Когда я перешла в восьмой, отца посадили. Трудно объяснить, что я пережила тогда. Было это чудовищно, в особенности то, что мама сразу же развелась с отцом. Она кричала: «Жу-

лик, ворюга бессовестный, опозорил семью, пусть сгниет в тюрьме!» Для меня отец стал страдальцем и едва ли не героем, что-то среднее между Робин Гудом и Котовским. Я писала ему длинные письма, ждала почтальона, ревела, если ящик оказывался пустым, и целовала конверт, подписанный отцовской рукой. Мне было наплевать, что о нем говорят другие, я-то знала: он лучше всех.

Маму все это злило чрезвычайно, очень скоро начались скандалы, в которые охотно встречал отчим (мама через полгода после ареста отца вышла замуж), потом у меня появился брат, в общем, в восемнадцать лет я оказалась в квартире отчима, предоставленная самой себе. Я училась в институте, по вечерам мыла полы в поликлинике, откладывала каждую копейку и с нетерпением ждала, когда вернется отец. Наконец этот день настал.

Я поехала встречать отца. Перед этим неделю бегала по магазинам и выбирала ему одежду — на это ушли почти все мои сбережения. Я и помыслить не могла, что он появится в городе в чем-то старом или, спаси бог, в тюремном. Боялась, что в этом случае он будет чувствовать себя неловко. Как только я его увидела, все это мне показалось страшной чепухой: отец мог быть одет во что угодно, хоть в полосатую робу, он все равно оставался самим собой. Он был лучше всех.

— Пап, — заревела я, а он подхватил меня на руки, целовал, смеялся как сумасшедший и нес на согнутом локте, как в детстве, пока я, пряча лицо на его груди, не попросила, шалея от счастья: — Отпусти.

— Здравствуй, Мальвинка, — сказал он. Вообще-то меня Машкой зовут, но отцу больше нравится так.

10 И стали мы жить вдвоем. Это время было самым счастливым в моей жизни, хотя поначалу возникло много проблем: отцу трудно было устроиться на работу, соседи злословили, да мало ли всего... Главное, мы были вместе. Отец был счастлив, я это видела, чувствовала и порхала, словно на крыльях.

— Слушай, — сказал он однажды. — Не пора ли тебе замуж?

— Избавиться от меня хочешь, сбить с рук?

— Нет, котенок, не хочу. По мне, век бы так жить, только молодой девушке нужен возлюбленный, а у тебя что? Женька, Игорь, телефон целый день трещит, а в кино табуном идете.

— Игорь мне нравится, — сказала я.

— Тащи сюда, я на него посмотрю.

Папа посмотрел и добродушно изрек:

— Неплохой парнишка, только...

Этого «только» как раз хватило на то, чтобы Игорь потерял для меня всякую ценность. В парнях у меня недостатка не было, но как-то так всегда выходило, что рядом с отцом они выглядели невзрачно. А время шло. Институт был позади, на работе поначалу мужчины на меня охотно поглядывали, но и им это вскоре надоело, папа тревожился, и я, вдруг испугавшись, твердо решила выйти замуж за первого приличного парня, рискнувшего сделать мне предложение.

Тут и подвернулся Димка. Был он самым стойким моим поклонником, еще с третьего класса. Мы вместе учились в школе, потом в институте. Он предложил, и я согласилась. Папа сказал:

— Вот и хорошо. — Но счастья в его глазах не было, как не стало счастья и в моей жизни. Наше

с Димкой супружество не задалось с самого начала. И камнем преткновения стал мой отец. 11

— Откуда у него деньги? — начинал Димка бесконечный монолог. — Допляшется, опять сядет. Ты хоть знаешь, чем он занимается, этот твой Павел Сергеевич?

Тут меня обычно прорывало:

— Он не мой Павел Сергеевич, он мой отец, что бы ты знал.

Больше всего меня злило, что от отцовских денег Димка не отказывался. Двухкомнатную квартиру нам купил отец, и обстановку, и машину, и даже гараж. Димка воспринимал это как должное, но отца иначе как бандитом не называл.

Уже сколько раз я всерьез думала о разводе. Ссорились мы все чаще, слова, произносимые при этом, становились все обиднее, пока три недели назад Димка в бешенстве не дал мне пощечину. Что-то во мне разом оборвалось. Я уехала к отцу, плакала, хотя сказать правду постеснялась, отец сидел хмурый, непривычно молчаливый, а потом заявил:

— Я твоему мужу морду набью.

На следующий день Димка встретил меня с работы, просил прощения, даже плакал. Я простила, но за эту пощечину перестала его уважать. Стал он для меня кем-то вроде капризного ребенка: и утомительно с ним, и жалко.

Несколько дней Димка держался, скандалы вроде бы прекратились, только ненадолго. Сегодняшний вспыхнул из-за Юльки. Юлька, подруга отца, была старше меня на три года, мы с ней сразу подружились, а потом и вовсе стали закадычными подругами. Отца она очень любила, уже год они жили

12   вместе, и ничего плохого я в этом не видела.

Димку же это злило чрезвычайно. Юльку он и за глаза, и в глаза иначе как содержанкой не называл, на что она неизменно отвечала: «Лучше быть содержанкой Павла Сергеевича, чем женой такого осла, как ты». Димка выходил из себя, а Юлька смеялась.

Ко всем моим несчастьям прибавилось еще одно: меня сократили на работе. Работник я, по моему собственному мнению, была неплохой, а потому было вдвойне обидно. Вызвал меня начальник, горестно вздохнул и сказал:

— Машенька, пойми правильно: у Светки двое детей, Ольга с ребенком без мужа, Нине Сергеевне четыре года до пенсии, а сокращать кого-то надо. Ты у нас не бедствуешь, детей у тебя нет, что прикажешь делать?

Пришла домой, реву от обиды, а Димка мне:

— Теперь домохозяйкой станешь? Бассейн, шейпинг, сауна с Юленькой на пару.

Я хлопнула дверью — и к отцу. Папа меня обнял, Юлька заварила чай, и мы втроем повозмущались всеобщей несправедливостью. Потом папа сказал:

— Не переживай. Найдем работу. Я поспрашиваю. Не торопись, подыщем что-нибудь путное. О деньгах не думай.

— Меня Димка со свету сживет, — мрачно предположила я.

— Твой Димка пусть лучше начнет деньги зарабатывать, а потом уж со свету сживать, — сказала Юлька. — Что хочешь говори, а парень он никчемный.

— Перестань, — перебил папа. Юлька замолчала, но чувствовалось, что она много чего еще хотела сказать в Димкин адрес.

Муж приехал за мной часов в девять, 13
в квартиру не вошел и вообще вел себя по-
дурацки.

— Останься, — шепнула мне Юлька, но я покачала головой. Папа стоял в дверях и смотрел на нас, лицо у него было сердитое.

Потому сегодня я к ним и не поехала. Что отца лишний раз расстраивать? Не по душе ему было мое замужество. Первые месяцы после свадьбы он шутил:

— Когда меня дедом сделаешь? — А теперь спрашивал, едва ли не со страхом: — Ты не беременна? — И облегченно вздыхал, услышав «нет».

Долго такая жизнь продолжаться не могла, даже Димка это чувствовал, но остановиться уже не мог. О чем бы мы ни говорили, все неизменно сводилось к одному: твой папаша — уголовник. Иногда я с ужасом ловила себя на мысли, что совершенно серьезно желаю Димке провалиться к чертовой матери.

Впрочем, сейчас он не казался мне таким уж скверным мужем. Я стала вспоминать его положительные качества, вновь подумала о проселочной дороге, по которой предстояло проехать на моих «Жигулях», и тоскливо вглядывалась в сумрак хмурого апрельского вечера. Дорога шла через лес, высокие сосны выглядели мрачно, и я всерьез подумала вернуться, вот тут-то машина и заглохла. Промучившись минут десять, я с тоской поняла, что заводиться она не собирается. Такое случалось и раньше, только не в дождь, в лесу, на дороге, где и днем движение не бог весть какое, а вечером и во все ни души. Обычно всегда находились помощники, однако сегодня на них рассчитывать не приходилось. Я включила приемник, прослушала пару

14 песенок, утешая себя тем, что кто-нибудь все равно поедет мимо и поможет.

К одиннадцати я стала свыкаться с мыслью, что заночевать придется здесь. Ночи холодные, до ближайшего села километров восемь, да и кто меня пустит в такое время? Чертыхнувшись, я вышла из машины и подняла капот. Дождь лил как из ведра, и я сразу промокла. Под капотом не было ничего интересного, единственное, что я могла, — проверить клеммы на аккумуляторе, что я и сделала, само собой, без всякой надежды на успех.

Из-за дождя я не услышала шагов и, скорее даже не увидев, а почувствовав присутствие человека, подняла голову и замерла с открытым ртом: рядом стоял здоровенный детина в куртке с капюшоном. Лица его в темноте я не разглядела, но было в этом появлении что-то настолько зловещее, что сердце мое жалко екнуло и куда-то провалилось. Полминуты мы стояли молча, не двигаясь. Руки он держал в карманах: ни сумки, ни удочки — ничего, что указывало бы на то, что может делать человек в это время на пустынной дороге в лесу.

— Ну, что там? — спросил он. Голос низкий, неприятный. Я дернулась и глупо сказала:

— Не знаю.

— Дай посмотрю.

Он сунул голову под капот, а я замерла рядом, вглядываясь в темноту с надеждой, что сверкнут фары и появится машина. От хлопка капота я едва не подпрыгнула.

Он зашел с правой стороны, открыл дверь, согнувшись чуть ли не пополам, сунул мощные плечи в машину и повернул ключ. Мотор заработал. Я не знала, радоваться этому или нет.

Кажется, он разглядывал меня в темноте, 15
сердце мое вернулось из пяток, но ритмично
стучать не спешило.

— Ты куда едешь? — спросил он, опершись
на дверь.

— В Гаврилово, то есть не совсем туда, мне сво-
рачивать в сторону, — торопливо ответила я.

— Годится.

Он сел на водительское сиденье и открыл дверь
мне.

— Садись. — Пока я пыталась что-то сказать, он
хмуρο заметил: — Я думал, ты промокла.

Словно в трансе, я села рядом. Зубы у меня стуча-
ли так громко, что в другое время я бы засмеялась,
только не сейчас. Капюшон он не снял, и лица его
я по-прежнему не видела, но и так чувствовала, что
человек он опасный. Это ощущение было настолько
острым, что я едва сдержалась, чтобы не закричать
и не выпрыгнуть из машины. Он молчал, и я мол-
чала, искоса разглядывая его. Голосил приемник,
а дорога была по-прежнему пустынной. Тут я вспо-
мнила утреннее сообщение по радио о бежавших
из тюрьмы троих заключенных и в ужасе уставилась
на моего попутчика. Ничего нового я не увидела:
капюшон и серое пятно лица.

— Вы в Гаврилово живете? — стараясь быть спо-
койной, спросила я.

— Нет.

— Там у вас родственники? — Мне и так было
ясно, что никаких родственников у него нет,
но я продолжала расспрашивать: звук собственного
голоса успокаивал.

— Нет, — опять ответил он.

— А, значит, вы едете дальше?